

А.В. Суховерхов, Ю.О. Креницкая

Эстетизация мудрости и обыденности как отличительная особенность интеллектуальной культуры Японии

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ и выявляется уникальная специфика японской эстетической культуры, показаны мировоззренческие основания таких ее основных категорий, как *моно-но аварэ*, *югэн*, *ваби-саби* и *ма*. Рассматриваются также современные японские исследования, не переведенные на русский язык, направленные на изучение менее известных эстетических понятий, например, категорий *фурю* (風流) или *датэ* (だて). Показано, что в отличие от европейской *рациональной* эстетической культуры, для которой характерен поиск «логики» и «числа красоты», японская эстетика *иррационально* интеллектуальна. Такая иррациональность показана на примере категории *югэн* (幽玄, сокровенный, тайный), описывающей потаенную красоту, которую нельзя описать числом или формой. Другой особенностью традиционной японской культуры является универсальная эстетизация жизни, умение превращать в искусство даже повседневность. В связи с этим утверждается, что японский интеллект эстетичен, а эстетика отражает мудрость познания природы вещей. В работе также сопоставляется идея древнегреческой *калокогатии*, объединяющей прекрасное и нравственно совершенное, с моральными аспектами японской теории красоты. Показано, что культ аскетичности, простоты и естественности, например, в теории *ваби* (侘 — скромная простота) является важным условием постижения красоты мира, эстетизации повседневного, создания архитектуры. В работе выявлено, что любование «печальным очарованием вещей» сближает русские и японские эстетические чувства. Особое внимание в работе уделяется изучению того, как теория прекрасного и общее мировоззрение японцев находят свое отражение в уникальных архитектурных концепциях, в частности, в идее *ма* (間) — «осмысленной пустоты». В заключении обосновывается, что эстетика в Японии — это не просто одно из направлений ее культуры, а ее *modus vivendi* — образ жизни, определяющий сущность и мудрость всей ее *традиционной* культуры. Предполагается, что популяризация японского эстетического мировоззрения может сыграть важную роль в мировой культуре для формирования «экологического мышления», созерцательного, а не потребительского отношения к природе.

Ключевые слова: японская эстетика, моно-но аварэ, югэн, ваби-саби, ма, архитектура Японии, эстетизации повседневности.

Авторы: Суховерхов Антон Владимирович, кандидат философских наук, доцент Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (адрес: 350044, Краснодар, ул. Калинина, д. 13).

ORCID: 0000-0002-0357-4013. E-mail: sukhoverkhov.ksau@gmail.com

Креницкая Юлия Олеговна, студентка Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (адрес: 350044, Россия, Краснодар, ул. Калинина, д. 13). E-mail: krinitskayay@gmail.com

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Суховерхов А.В. Криницкая Ю.О. Эстетизация мудрости и обыденности как отличительная особенность интеллектуальной культуры Японии // Японские исследования. 2025. № 4. С. 44—58.
DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-44-58.

A.V. Sukhoverkhov, Y.O. Krinitskaya

The aestheticization of wisdom and homeliness as a distinctive feature of the intellectual culture of Japan

Abstract. The article reveals the distinctive features of Japanese aesthetic culture and the conceptual foundations of its main aesthetic categories (*mono no aware*, *yugen*, *wabi-sabi*, *ma*). It is shown that, in contrast to European rational aesthetic culture, which is characterized by the search for “logic” and “the number of beauty,” Japanese aesthetics is irrationally intellectual. Such irrationality is illustrated by the example of the category *yugen* (“intimate, secret”), which describes hidden beauty that cannot be described by number or shape. Another feature of traditional Japanese culture is the universal aestheticization of life, ability to transform everyday life into art. In this regard, it is argued that Japanese intelligence is aesthetic, and aesthetics reflects the wisdom of the true nature of things. Further, the idea of the ancient Greek *kalokagathia*, which unites the beautiful and morally perfect, is compared with the moral aspects of the Japanese theory of beauty. It is shown that the Japanese practice of asceticism, simplicity and naturalness, for example, in the theory of *wabi* (“modest simplicity”), is an important precondition for comprehending the beauty of the world, aestheticizing everyday life, and designing architecture. The work reveals that admiring the “sad charm of things” brings Russian and Japanese aesthetic feelings closer together. Particular attention is paid to the study of how the theory of beauty and the general worldview of the Japanese are reflected in their unique architectural concepts, in particular, in the idea of *ma* — “meaningful emptiness.” In conclusion, it is argued that aesthetics in Japan is not just one of the directions of its culture, but its *modus vivendi* — a way of life that determines the essence and wisdom of its entire *traditional* culture. It is assumed that the popularization of the Japanese aesthetic worldview can play an important role in global culture, contributing to the formation of “ecological thinking” and a contemplative, rather than consuming, attitude towards nature.

Keywords: Japanese aesthetics, *mono no aware*, *yugen*, *wabi-sabi*, *ma*, Japanese architecture, aestheticization of everyday life.

Authors: *Sukhoverkhov Anton V.*, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin (address: 13 Kalinina Str., Krasnodar, 350044, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-0357-4013.

E-mail: sukhoverkhov.ksau@gmail.com

Krinitskaya Yulia O., student, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin (address: 13 Kalinina str., Krasnodar, 350044, Russian Federation).

E-mail: krinitskayay@gmail.com

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Sukhoverkhov, A.V., Krinitskaya, Y.O. (2025). Estetizatsiya mudrosti i obydennosti kak otlichitel'naya osobennost' intellektual'noi kul'tury Yaponii [The aestheticization of wisdom and homeliness as a distinctive feature of the intellectual culture of Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 4, 44—58. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-44-58.

Введение

Особенность японской эстетической культуры состоит в ее глубокой связи с пониманием мимолетной природы мира и вещей, осознанием краткости человеческого существования [Скворцова 2011; Carter 2019]. Утонченный колорит японского мировоззрения во многом определяется идеями буддизма, но и сам буддизм наполнился в Японии новым, эстетическим содержанием. Японская эстетика вещей наполнена мудростью, что выражается в действиях, доведенных до простоты и совершенства. Философ Куки Сюдзо, исследовавший понятие *ики* (粋), показал, что это не просто эстетическая категория, означающая изысканность, простоту, спонтанность; за ней стоит жизненная философия, «эстетика повседневности», находящая выражение в поведении, моде, архитектуре и искусстве. *Ики* — это искусство быть настоящим, эстетическое поведение как способ утверждения духовной свободы в рамках строгой социальной формы [Nara 2004; Петрова 2021].

В древнегреческой культуре сформулировано понятие «калокагатия», означающее единство прекрасного и нравственно совершенного [Семушкин 2007]. О культуре Японии можно сказать, что в ней также соединяются красота и мудрость. Искусство каллиграфии (*сёдо*), создания цветочных композиций (*икэбана*) или же владения мечом (*кэндзюцу*) показывают, что ум и интеллигентность проявляются не только в накоплении и демонстрации знаний, но и в доведении любой деятельности до степени искусства. Судзуки Дайсэцу Тэйтаро не зря говорил, что «японцы — мастера превращать философию в искусство» [Скворцова 2021, с. 5]. В то же время традициям Востока близка идея калокатии; многие наставники под влиянием идей Конфуция стремились достичь в своей деятельности единства прекрасного и нравственно совершенного [Sukhoverkhov et al. 2021; Луценко 2022]. При этом японцы тяготеют и к любованию естественной, нерукотворной красотой, достаточно назвать традиции *ханами* (花見) — любования сакурой, *момидзигари* (紅葉狩) — любования кленовыми листьями и *цукими* (月見) — любования луной. Еще одна особенность — умение находить красоту в несовершенном, необработанном, видеть прекрасное в трещинках камня или шершавости старинных бытовых предметов (эстетика *ваби-саби*).

Статья ставит перед собой задачу выявить мировоззренческие (аксиологические, этические, когнитивные) основания японской эстетической культуры, показать влияние на ее становление китайской культуры и традиций буддизма. Мы попытаемся рассмотреть культурно-философские и исторические причины возникновения таких эстетических понятий, как *моно-но аварэ*, *югэн*, *ваби* и *саби*, сравнить перекликающиеся мотивы русского и японского эстетического мировосприятия. Отдельное внимание мы уделим изучению влияния природных и мировоззренческих факторов на формирование традиционной и современной архитектуры Японии, в частности, концепции *ма* (間) в дизайне интерьеров и садов.

Японская эстетическая культура в поисках собственной идентичности

Японское искусство стало предметом исследования европейских ученых лишь в конце XIX — начале XX в. Однако формирование основных принципов эстетики в Японии началось задолго до знакомства с методами западной науки. Японская эсте-

тика охватывает широкий спектр категорий — от минималистской красоты *ваби-саби* до скрытой *югэн*. Проанализировав развитие категории прекрасного в разные эпохи, Такахаси Хиронобу выявил восемнадцать понятий для обозначения различных аспектов красоты: *уцукуси*, *куваси/кухаси*, *киёси*, *киёра/киёгэ*, *саякэси*, *омосириси*, *уруваси*, *кирэи*, *намэмэкаси*, *кокоро-никуи*, *сабисии*, *датэ*, *моно-но-аварэ*, *саби*, *ваби*, *югэн*, *ики*, *мияби* [Takahashi 2017]. По словам Такахаси, японская эстетика как система сформировалась в эпоху Хэйан, тогда же появилось и большинство упомянутых эстетических понятий [Takahashi 2017, p. 163]. Фудзивара Сигэкадзу предлагает популяризировать еще один эстетический и мировоззренческий термин — *фурю* (風流, кит. *фэнлю*), Понятие это трактуется как красота, возникающая в движении, особое чувство изысканности, умение наслаждаться мимолетными и тонкими проявлениями прекрасного [Fuziwara Shigekazu 1994].

Появление эстетики как научной дисциплины в эпоху Мэйдзи связывают с именем Ниси Аманэ. Для термина «эстетика» предлагались разные варианты перевода, наиболее распространенным стал вариант Накаэ Тёмина 1882 г. — *бигаку* (美学), «наука о красоте» [Скворцова 2021, с. 10]. Для Японии вопрос национального основания культуры, отдельного от китайского и индийского влияний, был особенно актуален именно в эстетической сфере: в области традиционных искусств, ремесел и поэзии [Скворцова 2018⁶, с. 384]. Окакура Какудзо определил главные направления эстетического развития для Японии так: с одной стороны, поиск истоков самобытности, с другой — поиск путей взаимодействия с эстетической мыслью Запада [Скворцова 2021, с. 12].

Анализируя культуры Японии и Китая, философ Нисида Китаро приводил любопытное сравнение: «Как противоречивое существование аполлонической (оформленной) и дионисийской (бесформенной) частей способствовало развитию греческого общества в целом, конфуцианская (ритуализованная) и даосская (бесформенная) части взаимодополняют друг друга» [Скворцова 2021, с. 34]. По мнению Нисиды, японская культура не является интеллектуальной, рациональной; напротив, ее главная характерная черта — эмоциональность; она непостоянна, текуча. «Западные художники ищут форму, а мы — форму бесформенного», — говорил он [Скворцова 2018⁶, с. 399].

Для древнегреческой культуры и европейской культуры в целом характерно рациональное понимание красоты [Полякова, Суховерхов 2019; Pavlenko et al., 2020]. У Пифагора и Платона, а затем у художников и мыслителей эпохи Возрождения мы видим попытки осмысления природы прекрасного при помощи логики разума. Пифагор, Витрувий, Леонардо да Винчи и многие другие мыслители искали «число красоты», числовые закономерности прекрасного, наиболее популярной из которых было «золотое сечение» [Сучилин, Архипова 2008]. Основой западного эстетического сознания является та мысль, что чувство красоты вызывают предметы, обладающие объективными характеристиками, такими как симметрия, пропорциональность. В японской культуре мы видим обратное: разум и числа не способны отразить красоту, для ее постижения необходима иррациональная интуиция, поскольку «красота» воспринимается как особое состояние сознания того, кто ее ощущает [Chijiwa 1984; Takahashi 2017].

Под влиянием идей буддизма восточный эстетический опыт предполагает выход за пределы обыденного восприятия, «поиск образа вне образа» [Жюльен 2014; Филоненко, Третьякова 2022]. Процесс создания и восприятия произведения искусства мыслится как форма медитации, ведущей к прямому видению истины. Творчество само по себе является одной из форм духовного просветления. В частности, каллиграфия — это не просто искусство красивого написания иероглифов, а своеобразная «динамическая медитация», выходящая за пределы текста [He Jingsong 1991; Sato 2014]. Практика каллиграфии рождает момент *асоби-гокоро* (遊び心), «играющего сердца», позволяет пишущему на мгновение отказаться от привязанностей и достигнуть каллиграфического «просветления» [Филоненко, Третьякова 2022, с. 176]. Для европейской культуры использование письма как средства постижения высшей мудрости, как медитативной практики или искусства нравственного совершенствования представляется по большей части избыточным усложнением обыденного действия, хотя практики, схожие с японскими, иногда и встречаются.

Таким образом, к отличительным чертам японской эстетики можно отнести: опору на внутренние переживания, идею процессуальности, «текучести» реальности, эстетизацию бесформенного и асимметричного, созерцательность, иррациональность. Другим важным аспектом является ее тесная взаимосвязь с традициями буддизма, даосизма и конфуцианства, которые уникальным образом преобразовались в Японии. Рассмотрим в первую очередь иррациональные аспекты японского мировосприятия красоты и их взаимосвязь с идеями буддизма и даосизма.

Иррационализм японской эстетической культуры:

моно-но аварэ и югэн

Сакабэ Мэгуми утверждал, что прекрасное — это не то, что можно познать и чем можно овладеть; с ним можно только соприкоснуться, но нельзя сделать объектом: «Красота несовместима с научностью, она по своей сути противоречит самому понятию науки. Сегодня в области эстетики по отношению ко многим аспектам эстетического сознания и эстетической деятельности употребляется метаязык, связанный с пустыми понятиями, которые описывают трансцендентный слой бытия» [Скворцова 2018^a, с. 179]. Нисида Китаро в свое время дал похожее определение: «Красота как таковая — это непосредственно-интуитивно постигаемая истина, выходящая за пределы рациональной аналитики» [Скворцова 2021, с. 64].

Многие японские эстетические категории не имеют прямых аналогов в европейских языках, а сам японский язык, с его многообразием семантических нюансов и зависимостью от контекста, хуже других поддается машинному переводу [Суховерхов и др. 2019]. Это приводит к тому, что создаются системы, пытающиеся учитывать контекст в переводе [Honda et al. 2023], но смогут ли они передать, например, все многообразие оттенков смыслов и эмоций хокку? Эту же проблему, но в восприятии цвета, показывает Гидзиива Хидэаки в работе «Видеть цвет сердцем» [Chijiwa 1984]. Автор противопоставляет западную систему *объективных* цветовых измерений и японскую традицию интуитивного, «нелогичного» восприятия цвета. Он утверждает, что цвет нельзя объяснить только длиной волны или физическими свойствами, в «чувстве» цвета всегда присутствует нечто, выходящее за пределы слов и логики

(воспоминания, ассоциации, культурные традиции). Такой же интуитивный и «импрессионистский» подход может быть применен и в методологии изучения природы языка [Sukhoverkhov, Karipidi 2024].

Иррациональное восприятие прекрасного нашло свое отражение в таких эстетических категориях, как *моно-но аварэ* и *югэн*, которые олицетворяют своеобразные архетипы японской культуры. *Моно-но аварэ* обычно с японского переводится как «печальное очарование вещей». В толковом словаре «Кодзиэн» *моно-но аварэ* концептуально объясняется как «ощущение гармонии мира, вызываемое слиянием субъективного чувства (*аварэ*) с объектом (*моно*)» [Ганова 2018, с. 174]. *Моно-но аварэ* акцентирует внимание на временном, преходящем характере вещей и явлений, а также нашей эмоциональной связи с ними, подчеркивает их бренность и изменчивость, вызывая печаль. В интерпретации Такахаши Хиронобу *моно-но-аварэ* обозначает как «тонкое, глубокое чувство, возникающее при созерцании едва уловимых изменений природы, так и признание неизбежности судьбы» [Takahashi 2017, p.161]

Термин *аварэ* несколько раз появлялся в историко-мифологических текстах VIII в. «Кодзики» и «Нихонги», однако его смысл продолжал меняться вплоть до эпохи Токугава [Скворцова 2021, с. 202]. В антологии «Манъёсю» (VIII в.) тонкое и неоднозначное чувство, вызываемое, например, жалобными криками птиц или других животных, передается междометием *аннаре* («ах») [Ганова 2018, 174]. Насколько сложно выразить в словах эмоции, вызывающие у нас «ах», настолько же сложно передать всю суть *моно-но аварэ*. «*Аварэ* — голос печали, который вырывается, когда сердце печалится от того, что видит, слышит, с чем соприкасается» [Скворцова 2021, с. 206]. Олицетворением мимолетной красоты с нотками грусти являются цветы сакуры [Prusinski 2012, p. 28]. Можно задать вопрос: почему из многих цветущих деревьев именно она стала символом Японии? Вся суть в длительности цветения. Сакура цветет неделю с небольшим, а ее лепестки практически сразу начинают осыпаться. Ониси Ёсимори считал, что *аварэ* соединяет природный Универсум и человека: человек погружается в Природу и именно при таком погружении достигает состояния *аварэ*. Оно находится на границе человеческих эмоций и природного феномена, субъект и объект соединяются в моменте *аварэ* [Скворцова 2021, с. 188]. М.П. Герасимова отмечает, что именно *моно-но аварэ* «стало исходной точкой в цепи пониманий прекрасного — *югэн*, *ваби-саби*, которые проявились позже, под влиянием даосизма и буддийских учений» [Герасимова 2013, с. 71].

Югэн — другая эстетическая категория, которую трудно перевести на западные языки и подвергнуть научной рационализации. Монах-поэт XV века Сётэцу писал: «*Югэн* можно постичь умом, но невозможно выразить словами. О его качестве можно судить по виду тонкого облака, скрывающего луну, или по осеннему туману, окутывающему алые листья на склоне горы» [Скворцова 2021, с. 1]. Сложное и многогранное понятие по сей день является предметом дискуссий. Оно призвано описать скрытую и потаенную красоту, возникающую из вещей тонких, неуловимых и неопишуемых. В «Похвала тени» Танидаки Дзюнъитиро воплощением *югэн* выступает образ двери, скрывающей таинство жизни семьи от посторонних глаз [Бурцева 2014, с. 55].

Некоторые исследователи соотносят понятие *югэн* с даосским понятием *Дао*, которое невозможно выразить словами [Мухаметзянов, Сомкина 2018, с. 166]. В Японии термин был эстетизирован, приобретя эмоциональную и философскую окраску

ность [Takahashi 2017, p. 162]. *Югэн* постулирует: в мире есть скрытая глубина и сложность, которые нам не видны. Практику постижения этой глубины и красоты вещей поэт XIII в. Фудзивара-но Тэйка сравнивает с буддийским понятием *сатори* — озарением, интуитивным пониманием [Takahashi 2017, с. 166]. В этом смысле постижение прекрасного является иррациональным, глубоко духовным процессом, содействующим эмоциональному обогащению и духовному возвышению [Бурцева 2014, с. 58]. Как и буддизм традиции дзэн, *югэн* побуждает смотреть за пределы поверхности вещей и ценить скрытую суть мира. Эту глубину, находящуюся за пределами нашего понимания, можно найти в любом моменте повседневности — в падающих лепестках цветущей сливы или лучах солнца в лесной чаще (木漏れ日, *коморэби*). Такую мудрость не провозглашают с общественных трибун и не излагают в абстрактных понятиях, она проста и постигается скромностью и одиночеством, молчаньем ума и интуицией сердца. Как говорит исследователь искусства каллиграфии Хэ Цзинь-сун, «глубокое содержание, простое выражение» [He Jinsong 1991, p. 95].

Этика и эстетика скромности: *ваби* и *саби*

Другими фундаментальными понятиями японской эстетики являются категории *ваби* и *саби*, появление которых во многом обусловлено идеями синтоизма и буддизма. Эти категории наиболее ярко отражают специфику японской культуры и по сей день влияют на формирование особого отношения японцев к природе, художественным традициям и быту [Ганова 2018, с. 173].

Слово *ваби* (侘) имеет значение «простота», «естественность», «грубость», «асимметричность» [Ганова 2015, с. 190]. Как философское и эстетическое понятие оно означает способность смириться с материальным дефицитом и неудобствами и ощутить красоту в простоте и спокойствии. *Ваби* — это когда даже в стесненных обстоятельствах не возникает мысли о трудностях, даже в условиях нехватки чего-либо человек не движим чувством нужды, столкнувшись с неудачей, не размышляет о несправедливости. В классической поэзии *вака* понятие *ваби* употребляли при описании утраты, бедности, чуждости, печали, одиночества, эмоциональной истощенности [Takahashi 2017, p. 162; Скворцова 2021, с. 281]. Поэты считали, что не стоит переоценивать красоту природы в моменты ее наивысшего расцвета. Считается, что олицетворением *ваби* стало стихотворение поэта Фудзивара-но Садаэ (1162—1241):

Не вижу я вокруг
Ни цвета нежных вишен,
Ни алых кленов.
Только унылая хижина на пустом берегу,
В дымке осенних сумерек [Балакаева, Османова 2017, с. 151].

Необходимо отметить, что такие нотки грустного любования красотой природы встречаются и в русской поэзии и прозе [Грудева 2012, с. 6]. Например, А.С. Пушкин любил именно осень и считал это время года лучшим для поэзии: «Унылая пора! очей очарованье! // Приятна мне твоя прощальная краса — // Люблю я пышное природы увяданье...». В связи с этим некоторые исследователи сближают японскую эсте-

тику и идеи «русской тоски», «неброской красоты», широко представленные в русской литературе [Ткаченко, Потапчук 2018; Третьякова, Аганина 2023].

В контексте изобразительного искусства и дизайна принципы *ваби* проявляются в красоте, проистекающей из простоты, несовершенства и скромности. По мнению Окакура Какудзо, такую традицию заложили мастера чая, именно они привили японцам «естественную любовь к простоте» и показали им «красоту смирения» [Окакура 2014, с. 53].

Таким образом, «эстетизация повседневности», «эстетика упрощенной формы» *ваби* имеет не только эстетический, но и этический аспект [Третьякова, Аганина 2023, с. 120]. Идея *ваби* в «Пути чая» радикально изменила смысл самого направления эстетического стиля жизни, а также характер художественной выразительности и восприятие японцев [Скворцова 2021, с. 279]. В частности, стали высоко цениться в качестве эстетических достоинств такие внешние аспекты, как асимметрия, незавершенность, бесформенность и грубая простота [Скворцова 2021, с. 280].

Ваби отражает идею деревенской простоты, скромной жизни. Быть бедным согласно *ваби* — значит не зависеть от мирских вещей (от состояния, власти и репутации) и при этом обладать достоинством, чувством внутренней ценности, которое не зависит от времени и социального положения [Аветисян 2014, с. 256]. В этом понятии находят отражение буддийские идеи жизни, свободной от привязанностей, и достижения просветления через практику аскезы. Принцип естественности, жизни в гармонии с природой, вероятно, сформировался под влиянием даосских идей [Третьякова, Аганина 2023, с. 122].

В понятии *саби* отражается японская эстетика красоты в несовершенствах и изъянах, возникающая в результате течения времени, в эффектах выветривания и естественного распада. Эстетическое чувство могут вызывать ветхие и изношенные вещи, такие как старое, склонившееся под собственным весом дерево или ржавый металл, покрытый мхом камень или потрескавшаяся керамика со сколами и трещинами. Эти объекты, главной внешней характеристикой которых выступает обветшалое их состояние, рассматриваются как отражение непостоянства и быстротечности всех вещей, что также было присуще *моно-но аварэ*. Д. Судзуки в книге «Дзэн и японская культура» писал: «Когда эта красота несовершенства вещи сочетается с ее древностью или примитивной грубоватостью, мы имеем проблеск *саби*... *Саби* состоит в простой естественности или в архаическом несовершенстве, во внешней простоте или в отсутствии усилия в исполнении» [Аветисян 2014, с. 255].

Саби — это также одна из основных эстетических концепций поэзии в стиле Басё, означающая состояние внутреннего покоя, изысканности и сдержанности автора, создающей атмосферу уединенности, скудости и духовной глубины [Takahashi 2017, p. 162]. Л. Т. Балакаева и М. С. Османова показывают, что примером *саби* в японской поэзии являются строки ученика Мацуо Басё поэта Мукай Кёрай, в которых он стремился зафиксировать момент непостоянства в естестве увядающей природы:

Два седых старика

Голова к голове

Любуются цветом вишни [Балакаева, Османова 2017, с. 151].

Сопоставляя понятия, Такахаси Хиронобу утверждает, что *ваби* — это красота, основанная на принятии бедности, простоты и отказе от мирской суеты, красота аскезы, тогда как *саби* — стремление возвысить одиночество и уединение до уровня красоты [Takahashi 2017, p. 162]¹.

Важно отметить, что со временем, эти два понятия объединились в одну эстетическую концепцию *ваби-саби*. В эпоху Камакура (1185—1333) *аварэ* свелось к постижению скрытой, таинственной, непознаваемой сути всего сущего *югэн*, выраженной в любовании простыми, неброскими, одинокими предметами, вызывавшими чувство *ваби-саби* [Ганова 2018, с. 174—175]. По мнению японцев, *ваби-саби* — это ускользающее чувство истинной красоты, пронизывающей все живое и не свойственной всему «отлакированному» и симметричному.

Часто *ваби-саби* рассматривается в качестве главного японского философского термина мировоззренческого характера, который появился в ответ на чрезмерное украшательство в предметах искусства. Новая концепция олицетворяла собой целостную эстетику, включающую в себя красоту несовершенства, мимолетность естественного мира. Она распространилась через *хайку* (поэзия *вака*), через очарование храмов в Киото, японские сады, такие как Карэ-сансуй, а также через картины, написанные тушью. Метафизика *ваби-саби* уходит корнями в философию дзэн-буддизма, которая подчеркивает важность жизни в настоящем моменте и нахождение красоты в непостоянстве (*無常, мудзё:*), в понимании отсутствия собственной природы вещей (*空, ку:*) и их исходном несовершенстве. Это не просто визуальная эстетика, это образ жизни, мировоззрение и духовная практика. Дух *ваби-саби* присутствует в ощущении японцами смены времен года и их любви к сакуре и саду камней. Также в мероприятиях, посвященных любованию луной, считается красивым не только полнолуние, но и полумесяц, и луна, частично скрытая облаками и дымкой, что оставляет пространство для воображения. Это соответствует и принципам *ваби-саби*, и принципам *югэн*.

Особенности архитектурных и интерьерных решений японской культуры

Одна из основных климатических проблем в Японии — чрезмерная влажность, достигающая 100% в летнее время и создающая благоприятные условия для распространения различных грибов, инфекций и плесени, а также ускоряющая процесс гниения. Следствием этого становится снижение износостойкости как строений, так и предметов быта, убранства помещений. Адаптируя свои жилища, японцы стали поднимать здания над уровнем земли. К периоду Кофун (300—538 н.э.) над уровнем земли строятся даже святилища (например, Исэ). С целью сквозного проветривания, появляются *сёдзи* — раздвижные стены, выполняющие функцию дверей или окон, что влияет на восприятие пространства японцами и формирует непривычное для нас зонирование жилья. Чтобы защитить бумажные и тканевые сте-

¹ Автор также отмечает, что главная особенность японского эстетического сознания — отказ от яркости и показной роскоши. Эта концепция нашла отражение и в другом старинном эстетическом термине, забытом в современной культуре Японии, — *датэ*, означающем скромность, глубокую, но незаметную заботу и отсутствие преувеличений [Takahashi 2017, p. 165].

ны, а также деревянный каркас дома от осадков, свес крыши продляется благодаря хвостовым стропилам.

Так климатический фактор формирует японский минимализм или же эстетику в простоте — основной принцип *ваби-саби*. Из-за чрезмерной влажности, а также тайфунов и землетрясений вытекает концепция избавления от излишеств и идея непостоянства жилища. Например, святилище Исэ перестраивается каждые 20 лет. Климат словно ускоряет цикл жизни всех вещей, увядание и изнашивание всего не могут остаться незамеченными человеком. Неудивительно, что наблюдение за этими процессами формирует у японца ощущение временности бытия — важный принцип *ваби-саби*. Отсюда же и пристрастие к неидеальным, изношенным временным вещам: старинной мебели, покрытому мхом камню и изветшалому дереву. Поэтому в дизайне и архитектуре Японии часто используются ассиметричные и природные формы.

Другой яркий образ, который характеризует японскую архитектуру, — это комната традиционного каркасного домика с окном и перегородкой *сёдзи*, которые открывают вид на зеленый сад, а также одинокой жаровней *котацу* в центре комнаты. В этом образе главным является «осмысленная пустота» как отсутствие наполнения, обозначаемое понятием *ма* (間). *Ма* обозначает пространство между чем-либо, пустоту в пространстве и времени, паузу, пограничную зону. «Этот концепт органично соотносится как с фундаментальной идеей пустоты как отсутствием наполнения в буддийской метафизике, так и с постулатами синтоизма, основанными на всеобъемлющей гармонии с явлениями природы и в целом со вселенной» [Лихолетова 2019, с. 93]. Концепция воплощается в планировке помещений и садов, образуя свободное пространство, пустоту между объектами. Например, в саду камней *ма* — это пространство между камнями: вода или же песок, гравий, которые символизируют воду. Своего апогея *ма* достигает в обустройстве *тясицу* — чайного павильона, находящегося в глубине чайного сада, где убранство чайной комнаты человеком западной культуры скорее будет воспринято как отсутствие убранства, пустота. «Помещение для проведения чайной церемонии должно быть свободно от привязанности к материальным объектам... Незаполненное пространство увеличивает энергетику общения участников чайной церемонии, а каждый предмет, использующийся во время церемонии, приобретает особую значимость и ценность» [Лихолетова 2019, с. 94].

Еще менее очевидны в архитектурных и дизайнерских проектах использование принципов *югэн*. *Югэн* в архитектуре — это уровень глубины, неочевидной, неосозанной и интерпретируемой каждым человеком по-своему. Такого эффекта добиваются отсутствием видимости общей картины и концентрацией внимания на определенном, менее значимом фрагменте, посредством игры со светом и тенью, перегородками или оконными проемами. «Отсюда мы можем проследить и особенность освещения в интерьере традиционного японского жилища, где свет не призван выделить предметы из среды, он как бы помогает “укутать” предметы в пелену тени» [Бондаренко 2020, с. 92—93].

Принципы *югэн* воплощались и в японских садах. Наполнение территории сада с высоты человеческого взгляда по большей части скрыто: одни элементы декора перекрывают другие, а фасад здания частично заслонен озеленением. Традиционно сад проектировался вместе с интерьером, что подразумевало любование им в первую

очередь изнутри, тем самым создавалась удивительная диффузия помещения с внешней средой.

Главный принцип синтоизма заключается в жизни в согласии с природой и людьми. Поэтому на фасадах, в отделке помещения и в элементах декора используются природные мотивы и формы, естественные материалы: дерево, камень, глина и т. д. И по сей день в японской архитектуре при проектировании здания одной из задач является достижение гармонии внутреннего и уличного пространства, искусственного и естественного.

Заключение

Японская культура в целом и эстетические чувства японцев в частности довольно сложны для понимания западной цивилизацией. Мы можем теоретически/рационально понять концепции, проследить их генезис, но, чтобы в полной мере познать культурные особенности японского чувства прекрасного, предмет созерцания этого чувства, необходимо погружение в культуру, непосредственное чувствование живого предмета или пространства, «нахождение в прекрасном». Традиционная японская мудрость проявляется в умении видеть красоту обычных вещей и доводить повседневные действия до эстетического совершенства. В этом смысле красота — это образ жизни, в котором проявляется мудрость, знания и забота человека. М. С. Третьякова и Н. С. Аганина отмечают, что даосизм научил японцев «искусству пребывания в мире», а дзэн-буддизм — идее «жизни как искусства», эстетизации повседневности [Третьякова, Аганина 2023, с. 122]. Однако верно и другое суждение — даосизм и буддизм сами были эстетизированы в Японии. Превращение повседневного в искусство необходимо отнести к уникальной особенности традиционной японской культуры и мировоззрения. В целом японская эстетическая культура может быть оценена именно как уникальная философия жизни, образ жизни японцев, реализующийся в гармонии с природой. Такое мировоззрение может быть широко популяризировано в мировой практике как основа для развития «экопоэзиса», «экологического мышления», созерцательного, а не потребительского отношения к природе [Elliot, Gare 1983; Корупин, Gare 2023]. В то же время необходимо отметить, что в современной японской культуре мы видим все меньше такой утонченной эстетики, происходит смешение европейской и восточных культур, рационализация искусства и природы, а ускорившийся темп общественной жизни приводит к потере глубины и созерцательности. Однако сохранение и популяризация лучших достижений традиционной японской культуры может содействовать их дальнейшей интеграции в мировую культуру.

Библиографический список

Аветисян А.Д. Эстетика югэн, саби, ваби, нарэ и вкус умами. Декоративное искусство и предметно-пространственная среда // *Вестник РГХПУ им. СГ Строганова*. 2014. №1. С. 248—263.

Балакаева Л.Т., Османова М.С. Дзен буддизм в японской поэзии // *Journal of Oriental Studies*. 2017. Т. 80. №. 1. С. 148—153.

Бондаренко А.О. Роль света и тени в традиционном японском интерьере. *Синтез искусств в проектировании среды*. 2020. С. 91—96.

Бурцева М.А. Интерпретация эстетического принципа югэн в трактате Д. Танидзаки «Похвала тени» // *Проблемы востоковедения*. 2014. № 2(64). С. 53—58.

Ганова К.С. Эстетические категории японской культуры // *Культурное наследие Сибири*. 2018. № 1(25). С. 172—177.

Ганова К.С. Критерии художественности в японском искусстве через эстетические категории «ваби» и «саби». *Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования. Алтайский государственный университет*. Барнаул. 2015. С. 3697—3700.

Герасимова М. П. Изменение массового сознания в японском обществе // *Историческая психология и социология истории*. 2013. Т. 6. № 2. С. 65—78.

Грудева Е.А. Динамика концептуальных признаков имени концепта осень в текстах русской художественной литературы XIX и XX веков // *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. 2012. №. 75. С. 1073—1084.

Жюльен Ф. Великий образ не имеет формы, или через живопись-к не-объекту. Москва: Ад Маргинем Пресс. 2014.

Лихолетова О.Р. Концепт «間 МА» и способы его репрезентации в японском языке // *Филологические науки в МГИМО*. 2019. Т. 19. №. 3. С. 92—99.

Мухаметзянов Р.Р., Сомкина Н.А. Влияние китайской эстетики на восприятие природы в Японии. *Россия — Япония: политика, история и культура*. Казань: Издательство Академии наук. 2018. С. 163—167.

Окакура Какудзо. Чайная церемония в Японии / пер. с яп. С. Белоусова Москва: Центрполиграф. 2014. 56 с.

Петрова А.А. Ики как категория японской эстетики: «Структура ики» Куки Сюдзо. Краснодар: Эпомен. 2021. С.16—24.

Полякова Ю.А., Суховерхов А.В. Число, судьба и красота: в поисках онтологического единства и научного обоснования. Краснодар: Эпомен. 2019. №. 30. С. 72—87.

Семушкин А.В. Античная калокагатия как общечеловеческий идеал совершенства // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*. 2007. №. 3. С. 52—59.

Скворцова Е.Л. Японская эстетика: от традиции к философии // *Филология: научные исследования*. 2011. №. 4. С. 5—19.

Скворцова Е.Л.(а) Сакабэ Мэгуми о мимезисе, модоки и неличности японской культуры // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 3. С. 178—188.

Скворцова Е.Л.(б) Нисида Китаро о месте японской национальной культуры в мировом цивилизационном пространстве // *Труды Института востоковедения РАН*. 2018. № 9. С. 360—379.

Скворцова Е.Л. Японская эстетика XX века. Антология. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 592 с.

Суховерхов А. В., де Витт Д., Манасиди И. И., Нитта К., Крстич В. Трудности машинного перевода: контекстная языковая неопределенность // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. 2019. №18(4). С. 129—144.

Сучилин В.А., Архитова Т.Н. К вопросу гармонии форм и золотого сечения // *Теоретические и прикладные проблемы сервиса*. 2008. №3. С. 60—64.

Ткаченко С.С., Потанчук В.И. Печальное очарование вещей как эстетический принцип. *Межкультурный диалог в пространстве стран азиатско-тихоокеанского региона*. 2018. С. 44—49.

Третьякова М.С., Аганина Н.С. Японский дзэн и русская тоска: в поисках неброской красоты упрощения формы // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2023. № 51. С. 115—130.

Филоненко Н.С., Третьякова М.С. «Каллиграфия зримых образов»: произведения Юкэя Тэсимы // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение*. 2022. № 12(1). С. 164—179.

References

Avetisyan, A. D. (2014). Estetika yugen, sabi, vabi, nare i vkus umami [The Aesthetics of Yugen, Sabi, Wabi, Nare, and the Taste of Umami]. *Dekorativnoye iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik RGPU im. SG Stroganova*, 1, 248—263. (In Russian).

Balakaeva, L. T., & Osmanova, M. S. (2017). Dzen buddizm v yaponskoi poezii [Zen Buddhism in Japanese Poetry]. *Journal of Oriental Studies*, 80 (1), 148—153. (In Russian).

Bondarenko, A. O. (2020). Rol' sveta i teni v traditsionnom yaponskom inter'ere [The Role of Light and Shadow in Traditional Japanese Interiors]. In *Sintez iskusstv v proektirovanii sredy* (pp. 91—96). (In Russian).

Burtseva, M. A. (2014). Interpretatsiya esteticheskogo printsipa yugen v traktate D. Tanizaki «Pohvala teni» [Interpretation of the Aesthetic Principle of Yugen in J. Tanizaki's Treatise “In Praise of Shadows”]. *Problemy vostokovedeniya*, 2 (64), 53—58. (In Russian).

Filonenko, N. S., Tretyakova, M. S. (2022). «Kalligrafiya zrimykh obrazov»: proizvedeniya Yukeya Tesimy [“Calligraphy of Visible Images”: Works by Yukei Teshima]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskusstvovedenie*, 12 (1), 164—179. (In Russian).

Ganova, K. S. (2015). Kriterii khudozhestvennosti v yaponskom iskusstve cherez esteticheskie kategorii «vabi» i «sabi» [Criteria of Artistic Value in Japanese Art Through the Aesthetic Categories of “Wabi” and “Sabi”]. In *Lomonosovskie chteniya na Altae: fundamental'nye problemy nauki i obrazovaniya. Altayskii gosudarstvennyi universitet* (pp. 3697—3700). Barnaul. (In Russian).

Ganova, K. S. (2018). Esteticheskie kategorii yaponskoi kultury [Aesthetic Categories of Japanese Culture]. *Kul'turnoe nasledie Sibiri*, 1 (25), 172—177. (In Russian).

Gerasimova, M. P. (2013). Izmenenie massovogo soznaniya v yaponskom obshchestve [Changes in Mass Consciousness in Japanese Society]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, 6 (2), 65—78. (In Russian).

Grudeva, E. A. (2012). Dinamika kontseptual'nykh priznakov imeni kontsepta osen' v tekstakh russkoi khudozhestvennoi literatury XIX i XX vekov [Dynamics of Conceptual Features of the Concept of Autumn in Texts of Russian Literature of the 19th and 20th Centuries]. *Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 75, 1073—1084. (In Russian).

Julien, F. (2014). *Velikii obraz ne imeet formy, ili cherez zhivopis'-k ne-ob'ektu* [A Great Image Has no Form, or Through Painting — to a Non-object]. Translated by A. A. Petrova. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian).

Likholetova, O. R. (2019). Kontsept «間 MA» i sposoby ego reprezentatsii v yaponskom yazyke [The Concept of “間 MA” and Its Representation in the Japanese Language]. *Filologicheskiye nauki v MGIMO*, 19 (3), 92—99. (In Russian).

Mukhametzyanov, R. R., & Somkina, N. A. (2018). Vliyanie kitaiskoi estetiki na vospriyatie prirody v Yaponii [The Influence of Chinese Aesthetics on the Perception of Nature in Japan]. In *Rossiya — Yaponiya: politika, istoriya i kultura* (pp. 163—167). Kazan: Izdatel'stvo Akademii nauk. (In Russian).

Okakura, Kakuzō. (2014). *Chainaya tseremoniya v Yaponii* [The Tea Ceremony in Japan]. Translated by S. Belousov. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian).

Petrova, A. A. (2021). Iki kak kategoriya yaponskoi estetiki: “Struktura iki” Kuki Syudzo [Iki as a Category of Japanese Aesthetics: “The Structure of Iki” by Kuki Shūzō]. *Epomen*, 52, 16—24. (In Russian).

Polyakova, Yu. A., & Sukhoverkhov, A. V. (2019). Chislo, sud'ba i krasota: v poiskakh ontologicheskogo yedinstva i nauchnogo obosnovaniya [Number, Fate, and Beauty: In Search of Ontological Unity and Scientific Justification]. *Epomen*, 30, 72—87. (In Russian).

Semushkin, A. V. (2007). Antichnaya kalokagatiya kak obshchechelovecheskii ideal sovershenstva [Classical Kalokagathia as a Universal Ideal of Perfection]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya*, 3, 52—59. (In Russian).

Skvortsova, E. L. (2011). Yaponskaya estetika: ot traditsii k filosofii [Japanese Aesthetics: From Tradition to Philosophy]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya*, 4, 5—19. (In Russian).

Skvortsova, E. L. (2018a). Sakabe Megumi o mimezise, modoki i nelichnosti yaponskoi kul'tury [Sakabe Megumi on Mimesis, Modoki, and Impersonality in Japanese Culture]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*, 3, 178—188. (In Russian).

Skvortsova, E. L. (2018b). Nishida Kitaro o meste yaponskoi natsional'noi kul'tury v mirovom tsivilizatsionnom prostranstve [Nishida Kitaro on the Place of Japanese National Culture in the World Civilizational Space]. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN*, 9, 360—379. (In Russian).

Skvortsova, E. L. (2021). *Yaponskaya estetika XX veka. Antologiya* [20th Century Japanese Aesthetics. Anthology]. Moscow, Saint Petersburg. (In Russian).

Suchilin, V. A., & Arkhipova, T. N. (2008). K voprosu garmonii form i zolotogo secheniya [On the Question of the Harmony of Forms and the Golden Ratio]. *Teoreticheskie i prikladnye problemy servisa*, 3, 60—64. (In Russian).

Sukhoverkhov, A. V., de Witt, D., Manasidi, I. I., Nitta, K., & Krstich, V. (2019). Trudnosti mashinnogo perevoda: kontekstnaya yazykovaya neopredelennost' [Difficulties of Machine Translation: Contextual Linguistic Ambiguity]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykovedenie*, 18 (4), 129—144. (In Russian).

Tkachenko, S. S., & Potapchuk, V. I. (2018). Pechal'noe ocharovanie veshchei kak esteticheskii printsip [The Sad Charm of Things as an Aesthetic Principle]. *Mezhkul'turnyj dialog v prostranstve stran aziatsko-tikhookeanskogo regiona*, 44—49. (In Russian).

Tretyakova, M. S., & Aganina, N. S. (2023). Yaponskii dzen i russkaya toska: v poiskakh nebroskoi krasoty uproshcheniya formy [Japanese Zen and Russian Melancholy: In Search of Subtle Beauty in Simplified Form]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*, 51, 115—130. (In Russian).

* * *

Carter, R. E. (2019). A Philosophic Grounding for Japanese Aesthetics. In *New Essays in Japanese Aesthetics* (pp. 3—15). Lexington Books.

Chen, Y. (2016). Not-knowing or knowing-nothing: Exploring a non-metaphorical epistemology through the Japanese aesthetics of Yugen. In *Proceedings of the 2nd Conference of the European Network of Japanese Philosophy* (pp. 151—153).

- Chijiwa, Hideaki. (1984). *Iro o kokoro de miru: Shikisai shinri gisō* [Seeing Color With the Heart: An Outline of Color Psychology]. Tokyo: Sairyūsha. (In Japanese).
- Elliot, R., & Gare, A. (1983). *Environmental Philosophy: A Collection of Readings*. University of Queensland Press.
- Fuziwara, Shigekazu. (1994). *Fūryū no shisō* [The Furyu Philosophy]. Kyoto: Hozokan. (In Japanese).
- He, Jingsong. (1991). Zen to shohō geijutsu [Zen and Calligraphy Art]. *Shogaku Shodōshi Kenkyū*, 1, 94—102. (In Japanese).
- Honda, S., Fernandes, P., & Zerva, C. (2023). Context-aware neural machine translation for English-Japanese business scene dialogues. *arXiv*. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2311.11976>
- Kopytin, A., & Gare, A. (2023). Eco-poiesis: A manifesto for ecological civilization. *Eco-poiesis: Eco-Human Theory and Practice*, 4 (1), 6—18.
- Nara, H. (2004). *The Structure of Detachment: The Aesthetic Vision of Kuki Shūzo*. University of Hawaii Press.
- Pavlenko, V. V., Sverdlenko, V. S., & Sukhoverkhov, A. V. (2020). Architectural archetypes: From the harmony of number to deconstruction. *Epomen*, 40, 74—83.
- Prusinski, L. (2012). Wabi-sabi, mono no aware, and ma: Tracing traditional Japanese aesthetics through Japanese history. *Studies on Asia*, 4 (2), 25—49.
- Sato, S. (2014). *Shodo: The Quiet Art of Japanese Zen Calligraphy, Learn the Wisdom of Zen Through Traditional Brush Painting*. North Clarendon: Tuttle.
- Sukhoverkhov, A. V., & Karipidi, A. G. (2024). Lost and found language: From fuzzy logic to yūgen. *Language Sciences*, 106, 101662.
- Sukhoverkhov, A., Klimenko, A. A., & Tkachenko, A. S. (2021). The influence of Daoism, Chan Buddhism, and Confucianism on the theory and practice of East Asian martial arts. *Journal of the Philosophy of Sport*, 48 (2), 235—246.
- Takahashi, Hironobu. (2017). Nihon no biteki gainen ni kansuru jidai suii to sono kōsei moderu: Bitēki kūkan sōzō no tame no kiso teki kenkyū [Historical Evolution and Structural Model of Japanese Aesthetic Concepts: A Fundamental Study for the Creation of Aesthetic Space]. *Geidō Kōgaku Gakkai-shi*, 77, 158—165. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 08.05.2025

Принята к публикации: 23.10.2025

Received: 08 May 2025

Accepted: 23 October 2025